

поэтическая
серия

Дмитрий Веденяпин

Домашние
спектакли

Засекин®
экспертно о главном

Самара 2015

УДК 82-145
БК 84(2Рос=Рус)6
В 17

В 17 ВЕДЕНЯПИН Дмитрий Юрьевич

Домашние спектакли: стихи. –
Самара, издательство Засекин, 2015 – 90 с.

Редакция поэтической серии «Цирка «Олимп»+TV:
Сергей Лейбград
Виталий Лехциер
Ирина Саморукова
Ирина Тартаковская

Редакционный совет серии:
Лев Рубинштейн (Москва)
Владимир Друк (Нью-Йорк)
Владимир Тучков (Москва)
Николай Байтов (Москва)
Света Литвак (Москва)
Илья Кукулин (Москва)
Александр Макаров-Кротков (Москва)
Татьяна Риздвенко (Москва)
Ежи Чех (Познань)

Куратор выпуска:
Сергей Лейбград

ISBN 978-5-906077-01-1

© Засекин, 2015
© Цирк Олимп+TV, 2015
© Дмитрий Веденяпин, 2015

Жизнеутверждающий реквием жонглёра

Очень сложно избежать давно уже скомпрометированного пафоса и повышенного градуса серьёзности в отношении к собственной, тем более литературной жизни. И при этом не свалиться в бесконечную амбивалентность, обесцененность и неразличение, прикидывающееся остроумием.

В любом случае, сегодня, а это «сегодня» длится, по меньшей мере, последние три года, я не только стилистически, этически и психологически, но и физически ощущаю оглушительный разлом и бессознательный разрыв времени и культурного пространства.

Вероятно, этот «распад атома» несопоставим с тем, что происходило в России век назад. Вероятно... Но субъективное, болезненное чувство потери воздуха и языка, претендующего хотя бы на минимальную универсальность, кажется неотвратимым и беспощадным. Эпоха российского «постмодернистского гуманизма» ёрническим шёпотом, срывающимся на отчаянно иронический крик и лирическую исповедальность, приказывает долго жить. Завершается не только целый и целостный культурный период зримой свободы и речи, заканчивается (закончилась?) собственная сколь-нибудь социальная биография.

Остаётся телесная испуганная данность, выглядящая всё более фантастично, средневеково, варварски и чудовищно. Остаются усилия и вспышки сознания и памяти, экзистенциальные сны, очень похожие на эмигрантские попытки сохранить речевую подлинность и антропологическую адекватность. С острым и беспробудным чувством человека, пережившего своё время...

Я пишу предисловие к книге избранных и новых стихов Дмитрия Веденяпина «Домашние спектакли». Мне кажется издание этой книги неизбежным и необходимым именно в поэтической серии «Цирка «Олимп». В память о том авантюрном художественном пространстве, которое с начала 90-х годов прошлого века смешно,

весело и искренне формировалось в провинциальной Самаре. О том самом пространстве новой органической литературы, которое обозначалось именами и текстами Геннадия Айги, Всеволода Некрасова, Генриха Сапгира, Александра Ожиганова, Виктора Кривулина, Тимура Кибирова, Юлия Гуголева, Льва Рубинштейна, Михаила Айзенберга, Сергея Гандлевского, Виктора Ковалея, Александра Макарова-Кроткова... «Перед тем, как всё забуду, я запомню навсегда»...

Это пространство я не представляю и без Дмитрия Веденяпина. Без его пластической и непокорной просодии. «Жизнь моя в столбе бесплотной пыли, В облаке, расплывшемся от слез, В зеркале, которое разбили, А оно очнулось и срослось». В веденяпинском «постакмеизме», с глухими отголосками «Московского времени», чутком и восприимчивом к меняющемуся, сумеречно рассветному миру всегда было что-то от многозначного, как архитектурный замысел, реквиема. Ранимая, сиюминутная, подробная, хрупкая жизнь в его стихах всегда была прочно, почти навечно защищена светом, стеклом, облаком, дымом, водой, льдом, снегом, музыкой бесконечно длящегося и уже неизменного воспоминания. Существования. Параллельного времени.

Его стихи чрезвычайно речевы, непосредственны, но эта прощальная и прощительная непосредственность как будто уже в момент своего произнесения становится прошлым. Прошлым и вечным. То есть и будущим. Которое непременно вернётся к тебе, как возвращаются времена года, облака, старые фотографии, образы, электронные письма.

Впечатления-отпечатки, в которых давным-давно случившееся проявляется в настоящем и наступающем. Индивидуальная человеческая, сугубо личная биография в стране, где непрерывно летят щепки, рушатся, взрываются судьбы и здания, стоит неколебимо, бесстрашно и неустраимо, как одуванчик. Как всё в том же стихотворении Веденяпина 1994 года: «Но не зря в серебряном конверте Нас бесстрашно держат

на весу – Как от ветра, спрятавшись от смерти, Одуванчик светится в лесу».

Сохранять эту динамическую неподвижность Дмитрию Веденяпину всё сложнее. На трещинах и порезах проступает химия нынешнего политического безумия, методически врывающегося в быт и ежедневность даже глубоко частного человека...

Мне очень нравится, что Дмитрий не только удивительный переводчик, способный передать вещество бытия-присутствия в процессе трансформации с английского языка на русский, и совершенно особый, замечательный поэт. Я помню, что он ещё серьёзно занимался самбо. И даже был инструктором по жонглированию. Ведь чтобы зрительный, экзистенциальный и символический образ не распадался на фрагменты и осколки, чтобы он был одновременно живым, зависящим от твоего собственного дыхания, жонглёр не на мгновение не останавливается. Незаметно для тебя он живёт всем сознанием, всем телом, всей жизнью. Он экзистенциально классичен, античен и абсолютно сиюминутен, современен, публичен, уникален. Он свидетельствует о своей биографической вечности на площадке цирковой арене.

И его лицо – это не застывшая маска, как может кому-то показаться. Это лик. В столбе солнечного и электрического света. И языка. Накануне прощания и разлуки, неотличимых от приветствия и встречи.

Сергей Лейбград

Вместо
предисловия

Перечитывая Винни-Пуха

Мы шли вокруг пруда, и я упал в нору
Пространственно-сердечно-временного
Континуума, где, как в сумке кенгуру,
Затих еще одним не Крошкой Ру.

Количество и качество чужого
Сравнимо только с градусом вранья.
Я тоже врал и к смерти не готовый
Дрожу теперь в кармане бытия.

2014

Конечно, плохо, даже очень, но
 В лесу, где листья падают на дно;
 В троллейбусе, где, как птенцы на ветке,
 Сидят уютный старичок в беретке
 И девочка в уродливом пальто,
 Которая – ты точно знаешь, что –
 Лет через двадцать-тридцать – вспоминая
 Вот это время (в перспективе «то»),
 Кому-то, хмыкнув, скажет: «Смех! Тогда я
 Носила это жуткое пальто
 И ничего – носила и носила...»
 И некто спросит: «Сколько тебе было?»
 И женщина, прикинув, скажет: «Шесть»...
 Бессмыслица, но в этом что-то есть.

2006

Начало века

Площадь перед дворцом (в городе Китеже) –
 Пусть пионеров – все-таки тьма мигала
 Снегом, когда из трамвая (номер забыл уже)
 Мы вылезали у сводчатого портала.

Мы вылезали и попадали в шахматный
 Вечер зимы, просто идущий мимо,
 Вместо и после субтропиков Вишакхапатнама
 В сказке про гроб на колесиках в сердце Нарыма.

В сердце Нарыма, в черном квадрате, в белом
 Царстве зимы, страшно сказать, в безгрешной
 Смертной любви все перепачкано мелом,
 Каждая дверь – и король растерялся, конечно.

И король растерялся, и все растерялось: дом,
 Citizen Rosebud – детские санки;
 В раковине зимы глухо, как в танке;
 В черном квадрате (Малевич тут ни при чем)

Белый квадрат – фрейлина, где принцесса? –
 Ночь, перламутр и вата мечутся врозь.
 В озере Светлояр световая завеса.
 Старое кончилось, новое не началось.

2001

Все то, что было – это то, что есть...
А то, что будет – ну, конечно, будет...
Осколки фраз, ныряющих бог весть
В какую глубину, ужасно любит,
Безумно любит мятная жара,
Чьи голоса в наплывах переменных
Дрожат в зеленой заводи двора,
Как солнечные зайчики на стенах,
Как запах воска и далекий лай,
Обрывки снов и мокрая рубаха...
Сквозь море света стилем бабочек
Плывет лимонница, чтоб со всего размаха
Удариться в нагретое стекло,
Но ничего, она не унывает,
Взяла левой и снова наплывает...
Свобода? Нет, опять не повезло!

1984

Глава 1

Зима

Шел снег. На улице ругала мама сына.
Он дулся, всхлипывал, канючил, «не хотел».
Его жалела ржавая машина,
И он ее без памяти жалел.

Брел мимо них старик с облезлой палкой,
Шла женщина в малиновом пальто –
Ему их всех в тот вечер было жалко,
Его тогда не понимал никто.

Луна желтела также безучастно,
И снег все так же падал кое-как...
Он понял вдруг: все взрослые несчастны;
И это, в самом деле, было так.

1981

Детство

Шагнуть в окно, свалиться со стола,
Открыть сервант и своровать лекарство,
И понимать, что даже пастила
В сто раз важней любого государства.

Любовь и смерть пока еще одно,
Конец еще не потерял начало,
И умереть не страшно – все равно,
Что с головой залезть под одеяло.

1982

Она вошла в меня, как лодка входит в гавань,
Когда на море – шторм, на набережной – мрак,
И ветер гнет в дугу упрямые агавы
И не дает дышать, а сердце бьется так,

Как будто вдруг просвет – и страха нет в помине,
Как будто вдруг обрыв – и отшагнуть нельзя,
Как будто вдруг прыжок – и в ахнувшей долине
Стрекочет тишина и облака скользят.

1984

«Нечаянно», «за так» и «ниоткуда».
Нырнуть в рассветный город и пропасть,
Но к ночи все-таки возникнуть снова.
Я понял вдруг, какое это чудо.
Я понял вдруг, что ты уже не часть,
А самая что ни на есть основа,
Как дождь – основа осени... Представь
Размякший лист, прибившийся к ограде;
Асфальт в слезах; деревья в листопаде;
Такси, пересекающее вплавь
Пустой проспект; слепые фонари;
Стеклянный свет, зеркалящийся в луже;
И шум дождя, снующего снаружи
По окнам, запотевшим изнутри.

1984

В пустоте из полиэтилена
С непривычки можно задохнуться.
По стволам течет туман, как пена
С помазка на стол по краю блюдца.

Лес стоит испуганный и гладкий,
Выцветший и бархатный с изнанки;
На песке ржавеют в беспорядке
Ведро и расплющенные банки.

Чтобы не оглохнуть от беззвучья,
Как улитка, спрячься за очками;
Белизна цепляется за сучья
И на землю падает клоками;

Задевая розовый репейник,
Пролетает пепельная птица;
Тишина шипит, как муравейник,
И никак не хочет расступиться.

1987

Надо постучаться – и откроют.
Снег, шурша, мелькает над полотном.
В вертикальном небе зарыт клад.
Демон знает о нем.

Человек стоит на краю перрона
Навытяжку перед судьбой.
Чтобы отнять золото у дракона,
Нужно вступить с ним в бой.

Снег лежит – как покров бессилья...
Главное – не побежать назад!
У дракона фиолетовые крылья,
Неподвижный мертвый взгляд.

Главное – крикнуть дракону: «Нет!»
Крикнуть: «Убирайся!» ночному бреду...
Просыпаясь, мальчик видел свет,
Чтобы взрослый смутно верил в победу.

1988

Там хорошо, где нас нет:
В солнечном лесу, в разноцветной капле,
Под дождем, бормочущим «крибле-крабле»,
В зелени оранжевой на просвет.

На краю сиреневой пустоты
Человек, как черточка на бумаге.
Летчик, испугавшийся высоты,
Открывает глаза в овраге.

Воздух скручивается в петлю
По дуге от чужого к родному.
Человек произносит : «Люблю!»
И на ощупь выходит из дому.

Ночь, как время, течет взаперти.
День, как ангел, стоит на пороге.
Человек не собьется с пути,
Потому что не знает дороги.

1995

Глава 2

Человек подходит к микрофону.
Утро отражается в реке.
Женщина летает над газоном,
Полулежа в красном гамаке.

Сонная Австралия. Зеленый
Летний день. Залитый солнцем джип.
Смуглый фермер, с детства умудренный
Тайным знанием бабочек и рыб.

Не спеша потягивая виски,
В кресле у окна сидит старик.
Не спеша потягивая виски,
В зеркале сидит его двойник.

Девочка играет с обезьяной.
Негр в очках копается в саду.
Над зеленогрудюю поляной
Вьется белоснежный какаду.

Если радость – это чувство света,
Выстрели из фотопистолета
В это небо, полное тепла,
И оттуда с серебристым звоном
На поляну рядом с микрофоном
Упадет Кашеева игла.

1987

Жизнь моя в столбе бесплотной пыли,
В облаке, расплывшемся от слез,
В зеркале, которое разбили,
А оно очнулось и срослось.

В комнате, как в солнечном осколке
Озера, сверкающего сквозь
Листья и ослепшие иголки,
Пляшут пряди солнечных волос;

Рыбаки спускаются по склону
По траве, блестящей от росы;
Папа говорит по телефону,
Обреченно глядя на часы.

Даже в зимней обморочной давке,
В стеклах между варежек и шуб
Тонкие секунды, как булавки,
Падают, не разжимая губ;

Но не зря в серебряном конверте
Нас бесстрашно держат на весу -
Как от ветра, спрятавшись от смерти,
Одуванчик светится в лесу.

1994

В трухлявой Аркадии, в царстве прогрызенных пней,
 В компании гусениц и сизокрылых громадин
 Жуков, в лабиринте сосновых корней,
 На шишках, присыпанных хвоей, нагрешейся за день,

Под стрекот кузнечиков, возле дороги, почти
 У остановки, но с той стороны, у забора,
 Ведущего к пляжу, мы ждали автобус, который
 Приходит из города в пятницу после шести.

И он приходил, и, нагнувшись, я видел в просвете
 Над черным асфальтом и пыльной дорожкой за ним
 Ботинки, сандалии, кеды приехавших этим
 Вечерним автобусом солнечно полупустым.

Потом гроыхало, стрижи рисовали грозу,
 Но нас не давали в обиду бессмертные боги.
 Мы были живыми на этой зеркальной дороге,
 Бегущей вдоль сосен над речкой, блестящей внизу.

1997

Сквозь ватное время, сквозь воздух, мелькая,
 Как бабочка в елках над тенью от стула,
 В затянутых наледью стеклах трамвая,
 В густых спотыканьях невнятного гула...

Внутри треугольников и полукружий,
 Сквозь блики на поручнях, в точке покоя
 Нам было предсказано что-то такое,
 Что все остальное осталось снаружи.

Осталось спокойно держать на весу
 Снопы и царапины света на грани
 Пустой пустоты, в черно-белом лесу,
 Среди отражений цветов на поляне.

Осталось стоять, как живой человек,
 В трамвае, гремящем то громче, то тише
 Сквозь ватное время, танцующий снег
 И голос, которого тут не услышишь.

1997

Любовь, как Чингачгук, всегда точна
И несложна, как музыка в рекламе;
Как трель будильника в прозрачных дебрях сна,
Она по-птичьи кружится над нами.

Есть много слов, одно из них «душа»,
Крылатая, что бесконечно кстати...
Шуршит песок; старушки неспеша
Вдоль берега гуляют на закате,

Как школьницы, попарно... Мягкий свет,
Попискивая, тает и лучится;
Морская гладь, как тысячи монет,
Искрится, серебрится, золотится...

Рекламный ролик – это как мечта
О взрослости: табачный сумрак бара,
Луи Армстронг, труба, тромбон, гитара;
Прохладной улицы ночная пустота,

В которой чуть тревожно и легко
Дышать и двигаться, опережая горе,
И, главное, все это далеко,
Как противоположный берег моря;

Как то, чего на самом деле нет,
Но как бы есть – что в некоем смысле даже
Чудеснее... Часы поют рассвет;
Индеец целится и, значит, не промажет.

1986

Слова стоят, как стулья на песке.
В просветах между ними видно море,
И тишина висит на волоске
На волосок от гибели, в зазоре
Зари, в пробеле воздуха, в пустом
Приделе на потрескавшемся фото,
На небе, перечеркнутом крестом
Пушистыми следами самолета
И наведенной радуги; прилив
Шуршит волной, серебряной с изнанки,
И мальчик в туго стянутой ушанке
Сквозь снегопад у дома на Таганке,
Не отрываясь, смотрит в объектив,
Как в форточку в пространство пустоты,
Где прыгают бессолнечные спицы,
Как в зеркало, где – против всех традиций
Магического знания – если ты
Не призрак, – ни пропасть, ни отразиться.

1998

Обещание

Агент, убитый в телефонной будке,
Встает с колен в гостинице во Львове.
Луна в окне желтеет в промежутке
Между стеклом и пойманным на слове
Пространством, обещавшим всем, кто в нем
Смотрел с холма на медленную воду
Сквозь зелень сада – там теперь у входа
Дежурит ангел с пламенным мечом
Вращающимся; пламя, ударяясь
О пустоту (сосну давно сожгли),
Рассыпавшись на искры, рикошетом
Уходит на террасу, притворяясь
Лучом, застрявшим в зеркале, букетом
Иван-да-Марья в солнечной пыли...

1998

Под рыжим абажуром

Мир просто был. В троллейбусной оправе,
Как в комнате, казавшейся огромной,
Струился свет ни ясный и ни темный.

По проводам и вытянутым склонам,
Сжимаясь в запотевшей полуяви,
Пульсировал продолговатый воздух,

Как ватный гул, плывущий по салонам
Вдоль стекол в ледяных цветах и звездах
Над прячущимися в махровых гнездах.

Неправда в обобщениях. Язык,
Как волк, не поддается дрессировке.
Я вижу папу в бежевом пальто.

Все умерли. За площадью на хмуром
Торце высотки – тени птиц. Никто
Не умер. «К водным процедурам»

Нас приглашает радио; зато
И день с утра похож на решето
Сквозь белый снег под рыжим абажуром.

1998

Лес порхает, кружится – на синь и сень
Рассечен вдоль просек по вертикали
Световыми ширмами; косуля в тень
Отступает солнечными прыжками.

Это как прозрачная дверь – пока
Музыка звучит и даль притерта
К зелени и ряби березняка,
Это место встречи живых и мертвых.

«Мы вас вправду любим», – земле, золе
Шепчут изменившие, боясь проснуться
(Лампа отражается в ночном стекле),
Встретиться и все-таки разминуться.

1998

Ныряя, ломаясь, гудя
В луче под фонарною плоской,
Булавки-иголки дождя
Блестят, как железные ножки
Стола на попа подшофе
Среди перевернутых лавок
В закрытом открытом кафе
Под градом иголок-булавок.

1999

Сияла ночь...
Фет

Сияла ночь; бред вспыхивал, как воздух,
В твоих зрачках и был непобедим.
Стеклянный куб террасы, небо в звездах,
Трава и дым.

В отчаяньи сплошных несовпадений,
Сквозь сон и свет
Беспомощно среди ночных растений
Рыдать, как Фет.

Стать маленьким, похожим на японца,
Непрочным, как стекло;
Открыть глаза, чтобы увидеть солнце,
А солнце не взошло.

2001

Как – вид сверху –
автобус в снегах, как бесхозный дефис,
Безнадёжно сшивающий два ненаписанных слова,
Как – зеркально –
и сам самолетик, составленный из
Ватной нитки в полнеба, иголки и смутного зова
Над горами-долами, гостиницей, млечным каре
Седоватых берез – на стволах световые разводы –
Сколько ночи? – дефис на глазах вырастает в тире –
Приближается утро – залогом внезапного хода,
Выражая, как пишет
Д.Э. Розенталь, неожиданность. Даль,
Не «толковый» Владимир Иваныч,
а просто – в игрушки
Превращает огромные вещи, включая печаль,
Ту, что больше...,
но меньше ресницы на белой подушке.

2001

Двадцать лет уже – ни много ни мало –
Пахнет сыростью на том повороте,
Где слова твои растут как попало,
Мрея дымчато, как лес на болоте.

Право слово, так сказать, слово право,
Поднимаясь к облакам из карьера,
По утрам, как муравей, темно-ржаво,
Как комар, по вечерам бледно-серо.

Тот, кто думает, что все уже было,
Держит удочку не той стороною.
Баба вымыла дрова, нарубила
Всю посуду и проснулась больною.

Ворох дел моих, как белая сажа,
Пух и прах, седой дымок от карбида,
Промелькнет как бы фрагментом пейзажа,
Отраженным в стеклах заднего вида.

Суть не в «минусе» и даже не в «плюсе»,
И не в том, что *все могло быть иначе*.
«Раби Зуся, был ли ты раби Зусей?» –
Спросит Бог, и раби Зуся заплачет.

2001

Встреча за закрытыми глазами
С чем-то, что из рук
Вон, шурша и хлопая, как знамя,
Падает на луг.

То ли память, то ли вечер, то ли
Невечерний свет
Меркнет перед тем, что поневоле
Значит этот бред.

Знаменосец знаменует страсть
Даже мертвый, сшибленный, как кегля;
Знамя мнетса и струится, медля
Сдуться и упасть.

Не вздыхать бы, рея, в тишине
Знамени над лицами слепыми,
Если бы не собственное имя
На его усталом полотне.

2001

В траве, в костре июня, у торца
Шестнадцатиэтажного дворца,
Споткнувшись о натянутое время,
В зеленом круглом мире, где пришлось –
Приходится-придется, глядя сквозь
Танцующую солнечную темень
Туда, где только музыка, без слов,
И мелкий дождь, как стрелки без часов,
Среди стволов стрекочет наудачу
(В душе у грибника то вскрик, то всхлип:
Нет, гриб – нет, лист – нет, гриб – нет, лист – нет, гриб),
За полчаса до выезда на дачу –
Все собрано, но ты еще в Москве –
Над мальчиком – что тот грибник – к траве
Склонившимся над смятой пачкой «Dunhill»
И собственным беспамятством, в аду,
В Москве и в опечатанном саду
Стоит стихотворение, как ангел.

2001

Глава 3

Озарение Саид-Бабы

1

Вдруг начались серьезные дела.
Как бы погасли солнечные пятна.
Жизнь, что была, взяла и уплыла,
Как облако, немного безвозвратно.

На яблоне сидит «павлиний глаз»,
«Лимонницы» калитку украшают,
Мерцая, «адмирал» пустился в пляс...
Но бабочки уже не утешают.

Горит отдельно эта красота,
Отдельно птицы тенькают и вьются.
Старик в пенсне кричит: «Я сирота»,
Смешно кричит, и в зале все смеются.

Однажды, сорок лет тому назад,
Я тоже был один на целом свете:
Проснулся – дом молчит, и дачный сад
Молчит, пустой, и в нем сверкает ветер;

Мир обезлюдил; никакой мудрец,
Я точно знал, не сможет снять проклятье,
Пока между деревьев наконец
Не замелькало бабушкино платье.

Приходит страх, и смысл лишают прав.
Недаром в мире пауза повисла
Как грустная неправда тех, кто прав,
И стрекоза «большое коромысло».

В огромном черном городе зимой
Метет метель на площади Манежной,
И женщина, укрывшись с головой,
Лежит без сна в постели белоснежной.

Был смысл как смысл, вдруг – бац! – и вышел весь,
А в воздухе, как дым от сигареты,
Соткался знак, что дверь – не там, а здесь
В пещеру, где начертаны ответы

На все вопросы: о природе зла,
Путях добра и сокровенной цели
Всего вообще... Серьезные дела!
Я ж говорил! А вы: «Мели, Емеля».

2003

Стеклянная дверь, ночь и лес звезд,
И просто лес, и море холмов, и просто
Море, и – меньше секунды (прост
Странный совет) нужно – не девяносто

(В том-то и дело!) лет, чтобы понять: судьба –
В буквах как звездах-снах в небе пустыни.
«Птица, кот и собака, – крикнул Саид-Баба, –
Вы свободны отныне!

Трусость, спесь и предвзятость мешали мне видеть свет, –
Спохватился Саид, от восторга шатаясь как пьяный, –
Вот и дверь, – ахнул он, – если так, может быть – разве нет? –
Просто дверью – стеклянной".

2003

Раньше лучше было...

Какие были времена!
Теперь не то – Бен-Ладен, Путин...
А раньше – сосны, тишина,
«Во всем... дойти до самой сути».

С утра по выходным мячи
И люди прыгают на пляже,
И запах тины и мочи
В кабинках и не только даже.

В лесу, оправленном в закат
(Где комары звенят, зверея),
Прекрасные московские евреи
О Мандельштаме говорят.

2004

Белила, простыни... Словом, вокруг зима.
Снулое солнце тускло, как бы сквозь воду,
В растерянном воздухе, тая, следит с холма
За маленьким пешеходом.

Все белое-белое... Круглый, как анальгин,
Пруд совет в снегу; в полвысоты кружится –
Плавает над дорогой ворон: один в один
Длинная брейгелевская птица.

Все белое-белое... Лишь человек одет
В траур, да брат его в небе темен –
Спелись, вернее, *скаркались*, что этот белый свет
Только снаружи бел, а внутри – вероломен.

2004

Что говорить о прочих, если даже
Мужик не перекрестится, пока
Не грянет гром и не пробьет в пейзаже
Пробоину размером с мужика.

Но иногда (возможно, это сны),
Речь, в сущности, о музыке – возможно,
Какой-то неземной и невозможной –
Случаются включенья тишины.

Последняя петарда, свистнув, косо
Взмывает в небо – бах! – немая взвесь...
И только выпь о четырех колесах
Кричит во весь...

И что-то есть, по крайней мере, то,
Чем дышит летний двор в объятьях ночи:
Негадкий смысл, неплоский мир, короче,
Надежда – сами знаете, на что...

2004

«Субботний день» Андре Дерена

Если картина – зеркало, это шанс...
Стол на боку в обратной перспективе...
То, что казалось скукой *par excellence*,
День ото дня кажется все счастливей.

То, что казалось мраком, бредом вещей,
Гимном унынию, нелепой хвалой укоризне,
Стало казаться венцом благородства – вообще,
Чудом подлинной жизни.

Видимо, дело в серьезности... Время идет
Или висит вполводы, как у Робина Крузо,
Между домиком шкапа и небом, свободное от
Несуразных иллюзий.

«Натюрморт съел людей», но Живой, поглядев с высоты,
Просто так, не за что-то
Возвратил их назад и во мраке зажег, как цветы,
Не нарушив субботы.

2004

¶

Больше чем, меньше чем, больше
Снега, ветра, вечера, жизни
За окном – взгляд на окно снизу
Сквозь летящий снег, через толщу
Жизни – что здесь такого:
Снег на мокрой варежке, ветер...
К новой жизни будьте готовы! –
В распахнувшемся – ах! – свете.

2006

Пустота как присутствие, дырка как мир наяву,
«Нет» как ясное «есть» вместо «был» или «не был»
Превращают дорогу в дорогу, траву в траву,
Небо в небо.

Заполощная мошка, влетевшая с ветром в глаз,
На дороге у поля, заросшего васильками
(«Наклонись, отведи веко и поморгай семь раз»),
Что-то знает о маме.

В перепутанном времени брешь как просвет
Между здесь и сейчас – бой с тенью
Между полем и небом, где все кроме «нет»
Не имеет значенья.

2005, август

Памяти пятидесятих

Сквозь белый день цветные пятна, где –
Казалось люди, оказалось время –
Со всеми вместе в снежной чехарде,
Тогда – почти, сейчас – совсем со всеми...

Сквозь черное июльское окно
Лос-Анджелес светился как в кино;
Гостиница переливалась ало,
Дымилась сигарета, и вино
Мерцало.

Любовь, надежда, нежность, страсть и страх,
Как Бим и Бом, сражались с темнотою,
Той, где отель, и той, где снежный прах,
Но комната уже была пустою.

Немного мелодраматично, но
Тут ничего поправить не дано,
Молитвенными не прожечь словами
Разворошенный этот неуют,
И только слезы что-то могут тут
И там, как в настоящей мелодраме.

2006

Там, где стоят слова, там непонятно как –
Не верят, потому что слишком верят –
Фотограф с палочкой, прекрасный как монах
На фоне гор, сидит на фоне сквера.

Фотограф с палочкой и мальчик Мир Ресниц,
И что-то вроде райского осколка
В луче, стрельнувшем между половиц
В счастливую еловую иголку.

И этот луч как будто значил, что
Нам всем – всем: маме, папе, бабе Ане –
Отпущено лет, минимум, по сто,
А, оказалось, это не про то.

Лучи, иголки, дачное лото
Сошлись в пролете, недоступном глазу,
На глубине, где даже Ив Кусто,
Пока был жив, не побывал ни разу.

2006

В такой – какой? – то влажной, то сухой
Траве-листве на бледно-сером фоне
Небес, колонн, ступеней, на газоне
Стоит безносый пионер-герой.

Акива Моисеич Розенблат,
Начитанный декан второго меда,
Вообще решил, что это Андромеда,
И Анненского вспомнил невпопад.
Мол, как сказал поэт в порядке бреда,
Вон там по мне тоскует Андромеда.

– Гуд бай, Ильич, большой тебе привет, –
Профессор раскудахтался глумливо, –
Не умерла традиция... Акива,
Ты настоящий врач! Живи сто лет.

2007

Карельская элегия

Тридцать лет не был. Приехал – дождь.
Все ржаво, серо.
На причале в рифму кричат: «Подождь,
Кинь спички, Серый!»

А приятель (выпил? характер – дрянь?),
На ходу вправляя в штаны рубаху,
Тоже на всю пристань пуляет: «Сань,
Пошел ты на х..!»

Все похоже: проза (слова), стихи
(Валуны и вереск, мошка и шхеры,
Комары и сосны, цветные мхи,
Серый).

Просто тот, кто раньше глазел на бой
Солнца с Оле-Лукойе,
Не был только и ровно собой,
Как вот этот, какой я.

2007

Дом отдыха 70-х

Статуи, беседки, тишина.
Все, включая тишину, немножко
Развалилось... В парке дотемна
Взрослые гуляют по дорожкам.

Фонари желтеют сквозь листву.
Ленин, Сталин, Господи помилуй!
Жизнь, как в школе, жметя к большинству,
В большинстве, как водится, немилому.

Брежнев, Каплер, комнатный балет
Смыслов и непрожитого воздуха...
Вот и получается, что нет
Ничего прекрасней дома отдыха.

2007

Эта пьеса

По телевизору показывали,
Как человек в котелке,
Вор,
Влезает в дом,
Как он думал,
Пустой,
А там – хозяйка.

И она –
Вероятно, это было хорошо сыграно –
Влюбляется в вора,

То есть,
Вскоре после их нечаянного знакомства –
Начинает смотреть на него
Особенным образом:
Без водевильной плотоядности,
Но так, что даже я, восьмилетний,
Догадался,
Что эта женщина в сарафане,
С голыми плечами,
Нежной шеей
И немножко глупыми кудряшками
Хочет, чтобы этот мужчина с усами
Поцеловал ее,
Помог ей выбраться из сарафана и...

Тут мое воображение буквовало,
Но я отчетливо помню,
Что «особенные» взоры актрисы
Сулили «неизъяснимы наслаждения»,
Причем
Не столько вору,
Сколько – вот именно – мне.

Не исключено, что
Согласно авторскому замыслу,
Вор должен был
Сначала попасть в дом,
Потом – в женщину,
Потом – через женщину –
Провалиться в самого себя,
И затем самоликвидироваться
Как вор,
А, скорее всего, вообще,
Потому что никем другим
Он быть не мог,
А проваливаться дальше –
Во всяком случае, внутри этой пьесы –
Было некуда.

2008-2009

Первая правда

Из заросшей музыкой, как мхом,
Первой правды (небо, окна, стены)
Не видны ни куст, ни стол, ни дом –
Только освещенный угол сцены.

Это не премьера, не прогон –
Просто репетиция, когда и
Цвет не различает цвета, звон
Сам, где он, звонит, не понимая;

Ритм не держит ритм – и только страх,
Не смущаясь немотою зала,
В белых электрических лучах
Впечатляет с самого начала.

2008

Одесса-63

О.Д.

*На солнечном пляже...
А. Вертинский*

Как добрые ложки (а ну эти злобные вилки!)
И чуткие стражи,
Пузатые бабушки чинно сидят на подстилке
На солнечном пляже.

Сверкает вода, изумрудная и золотая,
И парус, как лучик,
Пузатые бабушки смотрят, от нежности тая,
На внуков и внучек...

Недавно приятель сказал мне в одном разговоре,
Нескладном немножко,
Что время из всех, так сказать, категорий
Уж точно не ложка

И даже не вилка; пространство добрей и круглее –
Сядишься в двуколку
(Ну, в поезд) – раз-два и вернулся! Вот пляж, вот аллеи...
А толку?

2008

It's a nice, warm evening, – сказал Бернارد
Хартли Питеру Вайни.
Автобус уехал; мы остались у входа в парк
В отсветах тайны.

Описания бессмысленны – даже стручков
Акации, даже ступеней
В бликах, даже сучков
И задоринок, света и тени.

Это поразительные места:
Море, сосны...
That was the last bus home... Деталь пуста –
Вывернись наизнанку, пока не поздно.

2009

Noblesse oblige. Старик совсем облез.
Чуть что – прыг-скок – и убегает в лес
Сидеть на пне, гудеть-бубнить *ab ovo*:
Разве мальчик в Останкине летом... И прочее...
То забывая слово,
То вспоминая...

А то летит на велике без рук,
Шурша, за кругом нарезает круг,
То забывая..., то вспоминая слово,
То бабочку раздавит, то грибы...
Эх, Брэдбери бы на него и Чжоу
Чжуана бы.

Вот возвратился б он на свой чердак,
А там не так, вернее, слишком так,
Как есть – и все бы вдруг распалось,
Скажу ль, с очей упала б пелена,
И *забыва* б уже не отличалось
От *вспомина*.

2008

Глава 4

¶

Снег выпал и затих.
«Нет, весь я не умру»,
Немного грустный стих
Кружится по двору...
Вот Лева Бромберг, вот
Мы с ним хохочем, лед
Блестит, и жизнь идет...
Идет, идет и – ах,
И – оops, и в ямку – бух
Под фонарем в слезах
Над вымыслом из букв.

2009

Автобус уехал, мы остались у входа в лес.
Было тихо, пахло цветами.
По шоссе процокал всадник – неужто без?
Так и есть! – улыбаясь плечами,

И пропал... И опять закружилось: чык-чык, фьють-фьють,
Зазвенело, ожило.
Мимо поля и луга идти было сорок минут,
Через лес – двадцать, тридцать от силы.

Мы пошли по шоссе мимо луга с далекой козой.
Описанья бессмысленны – это понятно,
Как, допустим, Шаламов в Монтрё, а Набоков в СИЗО.
Завтра едем обратно.

2009

Мои еврейские друзья
Живут в Америке не зря.
По бостонско-нью-йоркским дачам
Прилежно празднуя шабат,
Они обратно не хотят
Туда, где мы под снегом скачем
И с каждым днем все меньше значим.
Кто это говорил? Житков?
России крышка без жидков.

2010

Упование сыроежки

...Рой мух на падали шуршал, как покрывало...

Шарль Бодлер «Падаль»,
пер. А.Гелескула

В насекомых тучах зудя-нытья
С кузовком по ельнику я кружился,
Весь в жуках да мухах, как будто я,
Невзначай скопытившись, разложился.

Перевод есть образ и знак потерь,
Грустный символ поствавилонской эры.
Пусть антропоморфно я был теперь
Бойкой иллюстрацией к стихам Бодлера.

Как в любых блужданиях последних лет
Поначалу казалось: спасения нет.
Но – хотя ни мох, ни тенёк, ни слизи
Не спасли вот этот конкретный гриб –
Повторяя просековый изгиб,
Промелькнула бабочка из прошлой жизни.

И сказал сыроежковый Иезекииль:
*«Вот я видел, как в плоть облекается гниль,
В чащах правды под елками греясь»...*
Над болотом ясна и хмурилась мгла,
Между кочек в чернике, краснея, росла
Сыроежка, лучась и надеясь.

2011

В комнатах времени

Дверь приоткрыта.
За столом,
спиной к несуществующему зрительному залу
сидят несколько (трое?) мужчин в белых рубашках.
Единственный смущенный зритель-сосед,
пробегая мимо по коридору,
вежливо отводит глаза,
но все-таки успеваеет заметить
загорелые шеи
и красивые,
что называется, благородные
мужские затылки,
и даже
то вспыхивающие, то гаснущие
в слоистой глубине по ту сторону стола
одухотворенные женские лица.
Да, кажется, одухотворенные...
Что там мелькает в комнатах времени?
Стихотворение?

2012

Раньше хватало простой пустоты.
Правда, как минимум, десятилетней
Выдержки – время сжималось, а ты
Приподнимался стремительно.

Море пыталось синеть, зеленеть,
Даже казаться песчаным (во время прибой),
Но, в основном, как рыболовная сеть,
Честно серело – стальное.

По абсолютно пустынному берегу шел –
Сквозь, как положено, морось и северный ветер –
Узкий, как циркуль, старик, человек-богомол,
Наш прибалтийский ответ Джакометти.

В сказке он мог бы тушить-зажигать фонари,
Черный стручок на ступеньке бумажной зари...
Капли висели на соснах, сияя внутри.
Было, как раньше.

2012

Травка солнышком согрета,
В небе вьются мошки,
Сверхкомплектный житель света
Ходит по дорожке.

– Мама, я люблю поэта.
Он – лицо с обложки, –
Говорит Горшкова Света,
Хлопая в ладошки.

– Ах, ты, ягода-конфета,
Сахарные ножки,
Ты бы, Света, лучше, это,
Сжарила картошки.

Если б ты была дурнушкой,
Но с твоей мордашкой,
Я б не связывалась, хрюшка,
С этим старикашкой.

Тоже мне нашелся Пушкин...
Мама ищет спички,
В небесах толкуются мушки,
Бабочки и птички.

Хорошо горят листочки,
Съежился портретик.
– Слава – дым и пепел, дочка,
Дым и пепел, Светик.

2012

Над пустой дорожкой в осеннем парке,
В qui pro quo измученной ноосферы
Тот же столб из воздуха, тот же серый
Тон, как там на Горького, где «Подарки»

И, как в песне Зыкиной, в смысле, долго
Под балконом (ох, держись за перила!)
Тявкал грузовик, текла «волга»
И «победа» фыркала и пылила.

Николай Бердяев любил свободу,
Пушкин тоже, хотя иначе,
А Подгорный так говорил: «Задачи
Поставлены, цели определены – за работу, товарищи».

Вот и мы говорим: задачи, цели...
Брежнев с факелом, воздух свободы...
«Где охрана?» – как выкрикнул Квиллер... Смотрели
Лучший фильм всех времен и народов?

Почему никто ничего не помнит?
Ладно б только какие-то даты
Или химию или сумрак тех комнат,
Где мы жили когда-то...

2012

В Иерусалиме

К.Д.

1.

Мы вышли из гостиницы с таким
Дурацким выражением на лицах,
Как будто это не Иерусалим,
А, я не знаю, Ницца.

Но очень скоро – дело даже не
В очкариках, кто с пейсами, кто в хаки,
Не в Кардо или Западной стене –
Нас окружили знамения и знаки.

На нас, по крайней мере, на меня
Легла ответственность – да-да, вот это слово.
Мне предлагалось стать большим и новым:
Прочней алмаза, горячей огня.

Как говорят в Одессе, чтоб я знал,
Откуда что берется: сверху? Снизу?
Письмо царю на «В», звонок, сигнал,
Короче говоря, еврейский вызов.

Нам подарили встречу и печать
В залог, что нам не сделаться одними
Из тех, кому не встретиться опять.
Забуду ли тебя, Иерусалиме...

2013

2.

Хамсин, а не самум. В каких песках?
О чем ты говоришь – конечно, сами.
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С печальными еврейскими носами.

Они идут в шабат сквозь этот мир,
Где все разъято, смешано, разбито,
И тот, который светится из дыр,
Протертых в этом наждаком иврита.

Само собою, там всегда шабат
И все кошерно: каждая травинка,
Как здесь кошерны их походка, взгляд,
Молитвы, вздохи, бороды, ботинки.

Вот мимо нас они идут впотъмах
По улицам своим огнеупорным
В широких шляпах, длинных пиджаках,
Пылающих то золотым, то черным.

2013

Старые фотографии

*Я хочу на «тот свет» прийти
с носовым платком. Ни чуточки меньше.
(В.В. Розанов)*

Все-таки очень трудно
представить себе рай.
Хотя,
если постараться,
то можно.

Для начала
надо вообразить
абсолютно прекрасное самочувствие,
какое
последний раз
было у тебя, наверно, лет в шесть.
Нет! Еще лучше.
Потом – родные.
Все живы-здоровы.
Сказано, что в Царствии Небесном
не женятся и не выходят замуж –
слава Богу! –
но про еду ничего не сказано.
Поэтому вполне можно представить,
что бабушка
стоит у райской плиты
(кстати, не так уж сильно отличающейся
от двухкомфорочной электроплитки,
которая была у нас в Александровке),
помешивая что-то райское
в райской кастрюльке.
Баба Ньюра ушла в райский магазин.
Папа собирается на райскую работу.
Мама шьет бабушке райское платье...

После обеда мама с бабушкой
читают,
устроившись под соснами
на широкой райской раскладушке.
День полон множества других райских чудес.

Вопреки расхожему мнению,
основанному
на неверно понятом библейском стихе,
время в раю
есть.
Естественно, не такое, как здесь.
То же касается и пространства.
Принцип трех единств,
насильственный
и для земной драматургии,
в драматургии небесной
просто отменен.
Наши самые смелые представления о свободе
посрамлены.

Говорю это на тот случай,
если кто-то уже собрался
обвинить меня
в чересчур жесткой режиссуре.
Мол, бабушке,
может быть,
совсем не хочется стоять у плиты,
а то и, вообще, быть бабушкой,
а папе – ходить на работу,
даже райскую.

Конечно, в раю
каждому дарована способность
находиться где угодно, когда угодно.
В том числе,
в разных местах одновременно.
А понятия возраста
там вовсе не существует.

*Былое сбудется опять,
по-видимому,
вернее,
невидимому,
означает следующее:
главное прошлое –
единственное,
что тут
точно есть –
станет частью того,
чего тут нет
и не может быть,
а именно
будущего
(в настоящем смысле этого слова),
или –
sub specie aeternitatis –
настоящего
(в будущем смысле),
которое –
представляй-не представляй –
другое, другое, другое...*

2013

Как свет под соснами, где ты и тут и там,
 Как Фигаро, а то и Мандельштам,
 Порхающий над эс-эс-эр, как слово
 Над вещью... Там и тут, два мотылька,
 Один – оттенка светлого желтка,
 Второй – как небо: нежно-голубого.

«Вас к телефону», – говорит зола
 Золе, и та встает из-за стола,
 Под окнами сосед кричит: «Пошел ты...»
 Другому пьянице... Над клумбой у грибка
 С песочницей кружат два мотылька:
 Небесно-голубой и бледно-желтый.

И получается зеленый день, где там
 И тут, и сразу весь Адам,
 И даже то – вот сели, вот вспорхнули –
 О чем сейчас вот здесь и только здесь
 Туда-сюда шьют солнечную взвесь
 Два мотылька под соснами в июле.

2013

Не хочется банальностей и бредней.
 Я помню полноту и доброту,
 И как она несет пакет со снедью
 На пляж... *Бульвар Французский весь в цвету.*

Из слов ее я помню только лишь
 Вот эти вот потом по телефону
 Мне ахнутые: «Что ты говоришь?!»
 И что-то вроде стона.

Но это было позже, а тогда
 Утесов пел про *тоже патефончик*,
 Мы пили чай, к которому всегда
 Мне полагались сахар и «лимончик».

Был сахар сладок, а «лимончик» кисл.
 Позавтракав, мы шли на пляж с пакетом.
 И если в чем-то сохранился смысл,
 То в этом.

2013

¶

Вокруг стоят громады
Домов – живи, трудись.
А жители не рады –
Бредут понурившись.

В весенней светлой мути
Район что твой гауоп,
Но «Путин», «Путин», «Путин»
Летит со всех сторон.

Так кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остался призывок чуда,
А Германа все нет?

2014

¶

*... My running around is through,
I fly to you...
Lionel Bart*

Я возвращался – комната ждала.
Я это знал. Бессмысленная радость
Плескалась в ней и в зеркале стола
Качалась

С деревьями вниз головой, с овцой
Взъерошенного облака, с высокой
Дневной луной, сапфирной стрекозой,
Серебряной осокой.

Откуда стрекоза? А как вам пол
В смарагдах, хризопразах, сердоликах?
Хрустальное окно? Жемчужный стол?
Алмазный потолок в глазках и бликах?

Я видел небо как бы из стекла
И озеро в тоске нелicenseрной.
Я взял такси. Она меня ждала.
Любовь безмерна.

2014

Воздушный шар

То выше подлетал, то ниже
Спускался шар.
Нам подарили ночь в Париже
На рю Муфтар.

Потом он дернулся, а после,
Пропев «уа»,
Скукожился, чтоб я, как ослик
Иа-Иа,

Хранил тебя, моя слепая
Ночная ню...
Как ты белеешь, засыпая...
И я храню.

2014

Дениска Кораблев в витрине
С обложки пялится в окно.
В одном саду посередине
Стояло дерево одно.

Как говорил товарищ Сталин,
Размяв щепотку табаку,
«Не то чтоб мы его познали,
Но откусили по куску».

Не всякая душа потемки,
Внутри иных светло, как днем.
Ушанок мерзлые тесемки
Стучат о кружки с кипятком.

Война и мир. Цветет сурепка,
Картошка морщится в золе.
Лев Яшин поправляет кепку,
Готовясь обыграть Пеле.

Везет, когда в колодце света
Еще один, за глубиной
Другая, та, что глубже этой
Прозрачной, солнечной, сквозной.

*– Гурджиев – справа, третий с краю,
С усами... – Поздно, я пойду...
Сосна скрипела, расширяя
Сознание в одном саду.*

2014

Когда мне говорят «начало века»,
Я думаю про тот, конечно, век,
Где Блок на фоне университета
Идет сквозь мягкий довоенный снег.
Потом, конечно, лето, музыканты,
Люстриновые пиджаки,
Пригорки, звонкий смех, излучина реки,
Домашние спектакли, фанты.
Потом Сиена, Прага, Гейдельберг,
Монмартр, «Ротонда», Бакст, Шагал, Нижинский,
Кандинский, Добужинский и Стравинский
(На нем, единственном, темно-лиловый фрак),
Малевич, Ходасевич, Пастернак.

2014

Я хотел бы не понять,
Но случайно взял и понял.
Понял и пошел гулять.

На небесно-синем фоне
Лес шумел со всех сторон.
Сосны, подавляя стон,
Ограничивались скрипом,
Зеленели, золотясь,
Вышелушивая связь
Между знанием и всхлипом.

2014

Послушные дети

Чем одаренее человек,
тем монументальнее чушь,
которую он порет.

Завороженные *мощью*,
подавленные *суггестией*,
сбитые с ног ударной волной
непреходящей ценности
и *неисчерпаемой глубины*,
мы (человечество)
из века в век,
из тысячелетие в тысячелетие
повторяем
как бы высеченные в камне
Глупости Великих Людей.
Собственно,
в постижении,
а, точнее сказать,
запоминании
этих глупостей
по большей части и состоит
наше гуманитарное образование.

Надо отдать нам должное:
мы оказались добросовестными учениками
и на редкость послушными детьми,
никогда не нарушающими материнского запрета
из популярной советской песенки.
Помните?

*За окошком свету мало,
Белый снег опять валит,
И опять кому-то мама
Думку думать не велит.*

2014

¶

Извините за то,
Что я к вам обращаюсь,
Просто я долго ль, коротко ль
Развоплощаюсь.

Это я не к тому,
Чтобы вас тут разжалобить, просто
Есть такая история,
Братья и сестры:

Обруч плыл золотой
По морям без конца и начала,
А одна черепаха всплыла и слепой головой –
Бац! – в него-то как раз и попала.

Да... О чем это я?..
Вот забыл, извините, конечно...
Вспомнил! Льетса фарфоровый свет
На бесхозные вещи,

Осенья террасу, сарай,
Озаряя дорогу...
Так что ад – тоже, может быть, рай,
Слава Богу.

2014

**Вместо
послесловия**

¶

Шел недавно домой от метро
и вдруг вспомнил...
И вздрогнул, и брякнул:
«Какой бред!»
И сразу же устыдился,
и подумал,
а вспоминает ли
хотя бы изредка
она обо мне?
Что это для нее?

А потом подумал:
чушь это все!
А потом –
нет, не чушь!
А потом –
сегодня чушь,
тогда – не чушь.

Контекст...
Дело в контексте!
Не говоря уж о рте,
то есть, роте,
в смысле, про рот...

«Но пока мне рот не забили глиной...»

Вот и всё.

Всё.

Всё.

2014

85

Неожиданная находка,
или Разговор Булата Окуджавы
с Мерабом Мамардашвили
после просмотра «Бриллиантовой руки»

Расползлось, растеклось, разлетелось по всей ойкумене.
Зря старались лучи, композиторы, клоуны, все,
Кто старался, включая Андрея, что прыгал по сцене,
Как слова по шоссе сквозь туман полоса к полосе.

Поднимите, пожалуйста, синие взоры,
Так сказать, отряхнитесь от сна.
Вот лежит на боку черный ящик Пандоры,
Сбита крышка – земля спасена.

(И опять все поют, только Мамардашвили
Сокрушенно скрипит головой.)
Изумительно мыслей твоих чахохбили,
Но надежда сильнее, дорогой.

2015

¶

Честно говоря, чушь собачья
По сравнению с... Вот
И птичка поет, что бывает иначе,
Вот и травка растет.

Дежавю плюс... как это... эфирное тело:
Свет на свет выплывает из сна.
Вот лимонница села и снова взлетела.
Что весна – то весна.

12 апреля 2015

Ф.М. Достоевский и А.Г. Сниткина
выходят на Воздвиженку
из метро «Библиотека им. Ленина»

– Это что там за хрен с бороною?
– Ты. – Как я? Это я? – Ну не я же!
Достоевский закашлялся даже.
– Что ты Аня! (Господь, мол, с тобою.)

Вдруг припомнил Настасью, Аглаю
И – со вздохом – что это не Невский...
– Так, смотри-ка и впрямь – «Достоевский»...
Кстати, Аня, зайдем к Николаю.

Он, конечно, старик оголтелый,
И наука его не наука,
Но чудесная все-таки штука –
Философия общего дела.

2015

УДК 82-145
БК 84(2Рос=Рус)6
В 17

В 17 ВЕДЕНЯПИН Дмитрий Юрьевич

Домашние спектакли: стихи. –
Самара, издательство Засекин, 2015 – 90 с.

Поэтическая серия «Цирка «Олимп»+TV

Издание подготовлено:

Дмитрий Веденяпин (автор книги)

Сергей Лейбград (куратор выпуска, предисловие)

Юлия Рогатина (дизайн, вёрстка)

ISBN 978-5-906077-01-1

Подписано в печать 14.08.2015
Формат 60х90/16. Объём 5,625 печ. л.
Гарнитура Minion. Бумага мелованная
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Типография «ДСМ»
Самара, ул. Верхне-Карьерная, за, т. +7 (846) 279 21 77